

Д. К. Давыденко
ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ДРУГОМУ
В РОМАНЕ МАРЛЕН ХАУСХОФЕР «СТЕНА»

Белорусский государственный университет, г. Минск;
ruseckaja.darja@gmail.com;
науч. рук. – О. Ч. Гронская, канд. филол. наук

В статье роман Марлен Хаусхофер «Стена» анализируется при помощи герменевтического диалогического подхода к Другому. Целью исследования является расширение методологии анализа произведения посредством применения не только уже успешно используемой в литературоведении концепции М. М. Бахтина, но и изначально философской теории М. Бубера, а также выявление бытийной стороны так называемой «женской» робинзонады, утверждение общечеловеческой проблематики романа. В тексте М. Хаусхофер очень точно психологически раскрывается человеческая сущность не только с трагической, темной стороны, но и с позиций человеческого бытия как проекта, что дает альтернативные ответы на сложнейшие вопросы человеческого существования.

Ключевые слова: Другой; диалог; утопия; послевоенная литература Австрии; экзистенциальный роман.

Другой – понятие, которое вошло в литературоведческий дискурс сравнительно недавно. Изначально концепция Другого, понимаемого в качестве «персонально-субъектной артикуляции феномена, обозначенного классической традицией как „свое иное“» [5, с. 342], разрабатывалась в философии. Различные подходы к этому феномену представлены в экзистенциализме, герменевтике и феноменологии. Смещение модуса Другого в сферу социальной онтологии требует разрешения конфликта, поставленного в первую очередь приверженцами атеистического экзистенциализма, а именно необходимости другого для становления Я и одновременной конфликтности отношения Я – Другой. Альтернативой неразрешимому конфликту многие мыслители видят диалог как форму взаимодействия. Одна из самых известных концепций Другого, нашедших свое отражение в литературе, принадлежит М. М. Бахтину. Кроме того, заслуживают несомненного внимания работы М. Бубера, в которых наиболее ярко отражена сама концепция диалога. Именно эти концепции будут применены в данной статье к анализу романа Марлен Хаусхофер.

Роман австрийской писательницы Марлен Хаусхофер (Marlen Haushofer, 1920–1970) «Стена» («Die Wand», 1963), ее главное произведение, часто рассматривают с феминистских или экологических позиций, подходят к нему

как к утопии и робинзонаде, несколько нивелируя онтологические проблемы этого текста. Именно последние мы и хотим раскрыть, используя диалогические концепции Другого.

Мартин Бубер был первым, кто употребил слово «диалог» в философском значении, имея в виду некое уникальное состояние, которое доступно человеку в царстве Я-Ты и никогда в царстве Я-Оно. Диалог здесь понимается не как форма обмена репликами, а как некая встреча, отношение или, как трактует диалог М. Бубера Д. В. Евдокимцев, «статичное феноменальное измерение общения, выраженное в непосредственном, интерактивном, волевом, энергийном взаимоотношении с фиксированным Другим» [4, с. 7].

М. Бубер критически переосмысляет философию М. Хайдеггера, утверждает, что тот пренебрегает отношением человека к «божественно-безусловному». М. Бубер видит недостаток Хайдеггеровского Dasein в его монологичности, маскирующейся под диалог [3].

Доминантой творческого наследия М. Бахтина и неотъемлемой частью его философии языка и онтологии также является идея диалога, которую ученый органично применял и в качестве метода в своих литературоведческих изысканиях. Здесь нас больше всего будет интересовать диалог как онтологический принцип.

Я субъекта, по М. М. Бахтину, не может воспринять себя в целостности, более того, такая «незавершенность» Я обеспечивает его открытость, позволяет «ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью» [2, с. 15]. Однако в таком случае для утверждения бытия Я нуждается в Другом, который со своей стороны видит Я завершенным, хоть и понимает, что эта завершенность изменчива. Я выступает как субъект и в силу своей субъективности воспринимает все его окружающее как объекты, но себя в качестве объекта воспринять не может.

Отражение идей диалогических концепций Другого можно проследить в рассматриваемом тексте. «Стена» Марлен Хаусхофер – роман, который по своей сути можно назвать экспериментом, лабораторией сознания человека, пытающегося выстроить и осознать свое бытие. В сюжетном плане речь идет о выживании безымянной главной героини в условиях катастрофы, отделившей ее от внешнего мира невидимой стеной. В борьбе за жизнь и ясное сознание женщина пишет дневник, в виде которого и написано само произведение.

Стена представляется читателю внешней силой, на существование которой одинокая безымянная героиня не в состоянии повлиять, однако если

взглянуть на ситуацию с онтологической точки зрения, то именно стена является той возможностью и пограничной ситуацией, которая необходима героине для собственного становления. Так, героиня пишет: «Die Langweile, unter der ich oft litt, war die Langweile eines beideren Rosenzüchters auf einem derartigen Kongreß der Autofabrikanten. Fast mein ganzes Leben lang befand ich mich auf einem derartigen Kongreß, und es wundert mich, daß ich nicht eines Tages vor Überdruß tot umgefallen bin. <...> Hier, im Wald, bin ich eigentlich auf dem mir angemessenen Platz. Ich trage den Autofabrikanten nichts nach, sie sind ja längst nicht mehr interessant. Aber wie sie mich alle gequält haben mit Dingen, die mir zuwider waren. Ich hatte nur dieses eine kleine Leben, und sie ließen es mich nicht in Frieden leben» [1, с. 222]. Такой отзыв о своем прошлом, по мнению героини, пустом, ненастоящем, может объяснить ее отнюдь не отрицательное отношение к своему вынужденному «заключению», которое таким на самом деле не является.

Однако бытию Я необходим Другой. Стена и катастрофа ограждают от людей, героиня не хочет, чтобы они формировали ее бытие. И, тем не менее, полное одиночество убивает человека, не несет никакой созидательной функции, поэтому в романе отношение Я-Другой выстраивается не к человеку, но к природному миру.

Именно в своих животных главная героиня видит Других, с которыми она хотела бы вести «диалог». И хотя она называет их «своими», они для нее не являются объектами хозяйства. Так, она во время болезни боится умереть во многом еще и потому, что ее животные погибнут без нее.

Кошка же и вовсе не приносила никакой пользы, однако героиня боялась за нее и при этом уважала как личность, училась понимать ее. Человеческий язык не приспособлен для этого, именно поэтому героиня думает об особом языке, где мысли можно записать только «auf grünes Moos zeichnen oder mit einem Stock in den Schnee» [1, с. 235]. Следует отметить, что тема поиска нового языка была в целом важна для послевоенной австрийской литературы, особенно остро воспринявшей дискредитацию немецкого языка в результате использования его нацистской идеологией.

Но ближе всего героине оказался Лукс, пес. В какой-то момент взаимопонимание между собакой и человеком доходит до ступени диалога, о котором писал М. Бубер: «Ich redete damals sehr viel mit ihm, und er verstand fast alles, was ich sagte, dem Sinn nach. Wer weiß, vielleicht verstand er auch schon mehr Wörter als ich dachte. In jenem Sommer vergaß ich ganz, daß Luchs ein Hund

war und ich ein Mensch. Ich wußte es, aber es hatte jede trennende Bedeutung verloren» [1, с. 265].

Развязка романа трагическая. В самодостаточное, пусть и одинокое, существование героини врывается человек и по-прежнему несет с собой только смерть. На вопрос, почему же женщина, которой любое насилие, даже необходимое, казалось ужасным, без содрогания убивает человека, появившегося впервые за несколько лет, можно ответить следующим образом. Здесь дело не в экологическом пафосе и не в ненависти к человечеству в целом. Это убийство можно рассмотреть как символическое. Героиня тяжело переживает свое одиночество, но все же не может строить диалог с чудовищем в личине человека. Возможно, это символ всего человечества, еще не готового к тому, чтобы стена между людьми могла быть преодолена.

Таким образом, диалогический подход к Другому может быть использован для раскрытия глубинных смыслов произведения не только с социальной, но и с бытийной точки зрения. Роман М. Хаусхофер, рассмотренный через призму концепций М. Бубера и М. М. Бахтина, раскрывается в результате с иной стороны. Пессимистические выводы по поводу человеческой природы в целом соседствуют с утверждением возможности каждого отдельного бытия на свое становление через диалог с ближним.

Библиографические ссылки

1. *Haushofer M.* Die Wand. Berlin: List Taschenbuch, 2013.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества: сб. тр. / сост. С. Г. Бочаров. Москва: Искусство, 1979.
3. *Бубер М.* Два образа веры. Москва: Республика, 1995.
4. *Евдокимцев Д. В.* Проблема другого «я» в диалогической философии Мартина Бубера: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / ВолГУ. Волгоград, 1999.
5. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003